

Леди-послушница. Далекий світ

Во времена гражданских войн XII века высокородные невесты являлись ценным трофеем, и с их чувствами никто не считался. Самая красивая и знатная девица в Англии Милдрэд Гронвудская рискует на себе ощутить все ужасы своеволия принцев крови! Лишь замужняя женщина может избежать интриг и опасностей, но гордая красавица видит защитника в безвестном бродяге, который завоевал ее сердце, не смея претендовать на ее руку.

Меди Симона Вилар
послушница
Далекий свет

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Меди. Симона Вилар
послушница
Далекий свет

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2019

ISBN 978-617-12-6350-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки и художник *Наталья Коноплич*

За часів громадянських воєн XII ст. великородні наречені були цінним трофеєм, і на їхні почуття до обранця не зважали. Найвродливіша та найзнатніша дівчина в Англії, Мілдред Гронвудська, ризикує на собі відчутти всі жахи свавілля принців крові! Лише заміжня жінка може уникнути інтриг і небезпек, але горда красуня бачить захисника у безвісному бродязі, який завоював її серце, не наважуючись домогтися її руки.

Вилар Симона

В44 Леди-послушница : роман / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 576 с.

ISBN 978-617-12-5775-7

Во времена гражданских войн XII в. высокородные невесты являлись ценным трофеем, и с их чувствами никто не считался. Самая красивая и знатная девица в Англии, Милдред Гронвудская, рискует на себе ощутить все ужасы своеволия принцев крови! Лишь замужняя женщина может избежать интриг и опасностей, но гордая красавица видит защитника в безвестном бродяге, который завоевал ее сердце, не смея претендовать на ее руку.

УДК 821.161.1 © Гавриленко Н. Г., 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

1128 год. Март

— Мальчик! О святые угодники!.. Миледи, только взгляните, какого чудесного малыша вы произвели на свет божий!

Однако роженица в ответ лишь отвернулась и резко закрыла лицо руками.

— Не показывай мне его, Дуода! Ради всего святого, убери поскорей! И сделай что-нибудь, чтобы он не так орал.

Последнее было очень важно: тайные роды происходили в женском монастыре и, если плач младенца привлечет внимание...

Две помогавшие женщины — пожилая матрона и молоденькая девушка — растерянно переглянулись, однако, не смея перечить госпоже, унесли младенца в угол и там принялись обмывать.

Роженица не смотрела на них — лежала, отвернувшись к стене. Ее лицо выглядело усталым, осунувшимся после долгих страданий, губы искусаны в кровь. И все же во время родовых мук она не издала ни единого стога, ни единого крика, какой бы мог потревожить покой уединенной женской обители Святой Моники, укрывшейся среди дюн на берегу Бристольского залива. Более укромного места эта женщина — дочь короля Англии, вдова императора Германии, а ныне жена графа Джеффри Анжуйского — не могла подыскать, чтобы втайне от всех родить своего бастарда. Три месяца назад, когда последствия ее безрассудной любви к простому рыцарю уже нельзя было скрывать, она, под предлогом замаливания грехов, в обществе двух преданных женщин прибыла в этот отдаленный монастырь и поселилась в небольшом флигеле. И в своем добровольном затворничестве, прикрытом религиозным пылом, этой весенней ночью, когда шумел дождь, а рокот волн казался особенно близким, она наконец произвела на свет сына.

«В хорошее время я умудрилась родить, — подумала графиня Анжуйская, которую, впрочем, большинство подданных продолжали величать прежним титулом — императрица. — Шум дождя, ветер, ненастье, громкий рокот прибоя. Даст Бог, никто не различил плача младенца».

Она прислушалась: ребенок уже не кричал, лишь порой попискивал. Императрица даже расслышала, как обмываемый прислужницами малыш чихнул — коротко и тихо, словно котенок. По ее устам

невольно скользнула нежная улыбка. Однако она не позволила себе расслабиться.

Старшая из женщин подошла, стала обхаживать госпожу, и той пришлось напрячься, извергая послед. Теперь, кажется, все. Ей стало легче и безумно захотелось спать, но она не могла позволить себе отдыха.

— Дуода, сколько времени осталось до заутрени? Успею ли я хоть немного вздремнуть? О Небо, как я устала! А ведь надо еще выстоять службу.

— Христос с вами, госпожа! — Дуода всплеснула руками. — Слыханное ли дело, чтобы сразу после родов...

— Вам не хватит сил, миледи, — поддержала старшую молоденькая прислужница.

— Помолчи, Ивета! Я должна явиться в церковь как ни в чем не бывало, иначе эта крыса настоятельница что-нибудь заподозрит. Она и так в последнее время глаз с меня не сводит, все твердит, как я пополнела. А вы... Почему затих ребенок?

Она приподнялась на локтях, но когда улыбающаяся Дуода протянула ей туго спеленатого уснувшего младенца, сразу отпрянула.

— Я ведь велела — не показывай! Я не должна... Не смею...

Прислужницы переглянулись. Конечно, их госпожа — сильная женщина, но чтоб даже не поглядеть на свое дитя... своего первенца... пусть и незаконнорожденного.

— Вот что, Дуода, — некоторое время спустя сказала императрица, глядя в низкий свод кельи. Ее бледное лицо выражало решимость, влажные рыжеватые пряди прилипли к вискам. — Вот что, сейчас ты уложишь младенца в корзину и вынесешь через боковую калитку. До порта рукой подать, ты отправишься туда и зафрахтуешь самое быстроходное судно. Заплатишь щедро, не скупись. Велишь доставить тебя в устье Северна и далее по реке поплывешь на север, в графство Шропшир. Там, недалеко от Шрусбери, наймешь проводника, чтобы помог отыскать тебе манор¹ Орнейль. Это где-то на границе с Уэльсом. Там ты незаметно положишь ребенка у порога дома. Проследишь, чтобы его взяли, и уходи.

Она говорила это быстро и твердо — видимо, продумала все заранее — и прервалась, только чтобы выпить воды из протянутой

Иветой чаши: после родов ее мучила жажда. Перевела дыхание и продолжила:

— Все это займет у тебя — путь туда и обратно — дней пять, наибольшее — неделю. Ты должна торопиться, так что не скупись, плати не торгуясь, только спеши. В пути ты сможешь покупать молоко для ребенка на фермах. Учти, я не желаю, чтобы с ним что-то случилось, оберегай его! А когда выполнишь поручение и вернешься, я смогу наконец возвратиться к супругу... Будь он трижды проклят! Она вновь жадно пила воду, а потом, заслышав удары колокола, вздохнула и выругалась сквозь зубы. Пора было отправляться в церковь. О Пречистая Дева, дай ей силы!

Императрица с трудом поднялась. Это была невысокая ширококостная женщина двадцати шести лет от роду; ее растрепанная каштаново-рыжая коса упала с плеча, лицо казалось бледным, но выразительным, светло-серые глаза смотрели жестко.

— Ивета, помоги мне переодеться в чистое. Все, что в крови, сожги. Пойдешь, девушка, со мной в церковь. Поддержишь, если мне сделается совсем худо.

— Но, миледи, послеродовая горячка...

— У меня ее не будет! А вот если визнают, что я родила, тут уж ни наказания, ни позора не избежать. Драгоценный Джеффри Анжу позаботится. Чтоб дьявол живьем сожрал моего супруга!

И столько ненависти было в ее последних словах, что Ивета истово закрестилась, однако под суровым взглядом госпожи взяла себя в руки. Стянув с миледи рубаху, помогла омыться, подала белье, сорочку, теплую монашеского кроя тунику из темной шерсти. Накинула на кое-как заколотые волосы капюшон. Императрица порой морщилась, двигалась неловко и медленно, однако сама же и торопила — не опоздать бы к мессе.

— А ты чего стоишь, как соляной столб?! — зашипела она на Дуюду. — Иди, пока еще не рассвело и есть шанс выйти незамеченной. Пожилая женщина стояла у порога — уже в дорожном плаще, прижимая к груди корзину с младенцем.

— О, госпожа... неужели вы и не посмотрите на него? Такой ребеночек... Реснички длинные. Поверьте, не часто у младенчиков бывают такие реснички.

— Ступай, тебе говорят! Нет, стой!

Императрица несколько раз вздохнула, словно собираясь с духом, а потом все же приблизилась.

Дуода улыбнулась и осторожным движением приподняла покрывало, показывая маленькое красное личико уснувшего малыша. Жадно и взволнованно императрица глядела на него... Казалось, в этом небольшом свертке из полотна и кружев для нее в этот миг сосредоточилось все мироздание. Она видела выглядывавшие из-под оборки чепчика легкие как пух черные прядки, тугие щечки, крошечный ровный носик и реснички... такие длинные реснички...

— Так похож на своего отца... — пробормотала она, и предательские слезы стали пеленой застилать глаза.

«Мой малыш... В первый и, может, в последний раз вижу тебя. Это все, что я могу себе позволить».

Она смахнула слезы. Потом, поддавшись какому-то безотчетному порыву, сняла с шеи крестик — маленький, сверкающий алмазной крошкой, на тоненькой как нить цепочке — и быстро надела на дитя.

— Храни тебя Бог и все святые, мой сын.

Вот и все. Она выпрямилась.

— Делай, как я велела, Дуода. Спеш!

Колокола всё звонили. Монахини попарно двигались в церковь.

Аббатиса стояла у входа, смотрела на их вереницу. Последними к шеренге примкнули императрица и ее фрейлина.

Аббатиса с подозрением окинула их взглядом.

— Одну минуту, дочь моя. Что это за звуки долетали из твоего флигеля ночью? Не ребенок ли плакал?

— Ребенок? Бог мой, матушка, у вас, кажется, начались видения, как у святой Моники. А это либо великая честь, либо безумие. Как считаете?

И императрица прошествовала в церковь, чтобы занять свое место у хоров.

Трудно передать, каких усилий стоило ей выдержать эту службу.

Порой она словно впадала в беспамятство, ее покачивало, и Ивета поддерживала госпожу. Наконец раздалось долгожданное: «Идите, месса окончена». Тяжело опираясь на руку фрейлины, императрица покинула церковь. Еле доковыляв до флигеля, она рухнула на постель и тут же провалилась в глубокий сон.

Как она и сказала, послеродовой горячки у нее не случилось: проспав более двенадцати часов, императрица почувствовала себя бодрой и окрепшей.

— Что слышно? — спросила она у фрейлины.

— Все спокойно, миледи. Разве что мать настоятельница куда-то уезжала. Но уже вернулась.

Императрица не придавала этому значения. Под одеялом проводя рукой по своему животу, она ощущала, как этот предательский признак ее измены мужу наконец уменьшился, став почти плоским. Теперь все будет в порядке. А через неделю, когда Дуода вернется и отчитается о выполненном поручении, она уже полностью оправится и сможет тронуться в путь.

Потянулись дни ожидания, серые, холодные, дождливые. Даже не верилось, что уже весна, март месяц. Императрица вела привычный образ жизни, ходила в церковь на мессу, трапезничала в обществе монахинь, читала жития святых, а остальное время проводила в своем флигеле, набиралась сил, спала. Опали набухшие от молока груди, перестало кровоточить лоно — скоро она станет прежней, вернется к супругу, и никто не догадается, что, находясь на богомолье, она родила внебрачного ребенка.

Верная Ивета неотлучно находилась рядом, ухаживая за госпожой.

Когда императрица спала, девушка подолгу сидела у окна, глядела на песчаные дюны, на море.

Порой Ивета видела проплывающие мимо корабли, но в основном только шум волн да крики чаек оживляли пустынные берега. Поистине чаек тут было больше, чем людей. Но в последнее время Ивета стала замечать вблизи монастыря каких-то незнакомцев: они появлялись со стороны рыбацкой деревушки, порой подходили к самой обители, исчезая за выступом монастырской стены, где девушка уже не могла их видеть. Вначале это будило в ней любопытство: хоть какое-то разнообразие в их монотонном существовании. Но потом незнакомцы примелькались, глядеть на них стало скучно. Ах, скорей бы все окончилось! И тогда они вернутся ко двору графа Анжу, где всегда такое оживление, столько рыцарей, столько событий! Императрица наверняка наградит их с Дуодой за службу, и она, Ивета, закажет себе новое платье, будет франтить, принимать ухаживания, кокетничать.

Дуода вернулась, как и предвидела императрица, через неделю — уставшая, забрызганная грязью, в пропахшем морем и солью плаще. Покорно преклонила колени перед госпожой, облобызав ее руку.

— Говори!

— Я спешила как могла.

— Благодарю. Я щедро награжу тебя, моя Дуода.

Императрица улыбнулась, и усталое лицо служанки также осветилось улыбкой. Она еле нашла в себе силы подняться. Императрица собственноручно налила ей в кубок вина.

— Подкрепись, не помешает. А теперь я жду сообщений. Что? Разве что-то не так?

Женщина замялась.

— Видите ли, миледи, хозяина манора Орнейль не оказалось в поместье. Там вообще никого нет, только охранники, а сам дом стоит заколоченным.

— Вот как? — нахмурилась императрица. — Я опасалась чего-то подобного. Но ты молодец, что сообразила не привозить ребенка назад. Куда ты его дела?

— Я решила, что будет правильным отнести его в...

Она не договорила, как вдруг с грохотом распахнулась дверь.

— Так где же сейчас этот ублюдок, Дуода? — раздался властный мужской голос.

Испуганно вскрикнула Ивета. Императрица резко встала, глаза ее расширились.

Оглянулась и Дуода. В дверях стоял высокий парень с гневным красивым лицом. Его богатый плащ ниспадал складками с широких плеч, у горла на застежке сверкало золото.

— Не ожидала меня, Матильда?

Его молодой голос дрожал от гнева, он не сводил с императрицы глаз.

Та только коротко вздохнула. Лицо ее сразу стало жестким, решительным. В следующий миг в ее руке появился кинжал, и она стремительным сильным движением вогнала его в спину верной Дуоды, надавила на рукоять и резко выдернула клинок. Кровь брызнула фонтанчиком, усеивая красными пятнами ее руки и одежду. Не ожидавший этого юноша отшатнулся, Ивета испуганно взвизгнула и вжалась в стену.

Дуода, с широко раскрытыми глазами, хватала ртом воздух, покачиваясь. Кое-как повернувшись, она с изумлением и ужасом взглянула на госпожу.

— За что, миледи?..

— Прости, Дуода, — невозмутимо ответила Матильда, глядя, как служанка оседает и падает на пол. — Я позабочусь о твоих близких. Глаза Дуоды были по-прежнему открыты, на губах пузырилась кровавая пена.

Ивета снова завизжала, хватаясь за щеки.

Императрица даже не повернулась в ее сторону. Наклонившись, она спокойно вытерла кинжал об одежду Дуоды, вложила его в ножны и только после этого взглянула на застывшего в дверях юношу.

— Здравствуй, Джеффри, супруг мой.

Какое-то время они глядели друг на друга. Императрица даже нашла в себе силы улыбнуться. И хотя уголки ее рта нервно подрагивали, голос звучал спокойно:

— Признаюсь, не ожидала, что ты приедешь за мной в обитель. И как это тебя впустили в женский монастырь? Ах, и настоятельница здесь? Похоже, ты ей неплохо заплатил, раз она, нарушив устав, ввела сюда мужчину.

Аббатиса испуганно выглядывала из-за плеча графа Анжу. Завидев тело служанки на полу, отступила, сотворяя крестное знамение.

Джеффри быстро шагнул в келью и захлопнул за собой дверь.

— Тебе, Матильда, удалось спрятать от меня своего пащенка, — произнес он, гневно, исподлобья глядя на супругу. — Но ты убила Дуоду и теперь сама никогда не узнаешь, где он.

— Ты тоже, — спокойно ответила его жена. — А значит, моему сыну ничего не угрожает.

— Но ты никогда не найдешь его! Он потерян для тебя!

Матильда судорожно сглотнула. В ее глазах плескалась боль. Но это было лишь мгновение слабости, а потом она сложила руки на груди и надменно вскинула подбородок.

— Пусть! Но я сохранила ему жизнь. Мой сын недосягаем для тебя, Джеффри Анжуйский! Дуода не успела сказать, где укрыла его. И теперь даже с помощью твоих пытошников ты ничего не сможешь добиться от нее. Бедная Дуода. Она была такой преданной... Да пребудет душа ее в мире.

— Ты еще поплачь над ней! — воскликнул молодой граф с издевкой. Его красивое лицо побелело от гнева. — Я знал, что ты фурия, шлюха и обманщица. Но ты еще и убийца!

— Да. Но я еще и твоя жена перед Богом и людьми. Опозорь меня прилюдно — пятно ляжет и на твой род.

Граф подался вперед, словно хотел накинуться на нее, но сдержался.

— Будь проклят тот день и час, когда я взял тебя в жены, Матильда!

— Аминь. Воистину все демоны хохотали в аду, когда мы обменялись обетами перед алтарем. Однако напомню, что не я заставляла тебя бегать по притонам, не я требовала, чтобы ты пренебрегал мной, был груб и жесток, пока я не нашла утешения в объятиях другого.

— И об этом скоро все узнают! — осклабился граф. — Вот эта, — он ткнул пальцем в сторону забившейся в угол фрейлины, — она моя свидетельница, которая подтвердит, что ты тайно родила ублюдка. И как бы она ни была верна тебе, она быстро заговорит, когда ее начнут рвать раскаленными щипцами. Или ты поспешишь зарезать и ее?

От ужаса Ивета начала икать. Глаза ее стали полубезумными.

Матильда наконец удостоила ее взглядом.

— Поди-ка, девочка, вон. Мне надо еще кое-что сказать супругу.

И ничего не бойся.

Едва за фрейлиной закрылась дверь, императрица резко повернулась к мужу.

— А теперь выслушай меня, Джеффри Анжуйский! Ты можешь ославить меня на весь свет, можешь дойти до самого Папы и потребовать развода, но ничего, кроме бесчестья и провозглашения себя рогоносцем, ты не добьешься. И если станешь кричать, что я родила бастарда, — я буду это отрицать. Ты разгласишь мою измену — я поведаю всем, как ты обходился со мной. А ведь ты брал в жены не просто женщину, чтобы ею помыкать. Я — единственная дочь и наследница короля Генриха Боклерка², моим приданым является богатейшее герцогство Нормандское и королевство Англия. Откажешься ли ты от них ради сомнительной славы рогоносца? Не лги самому себе, Джеффри. Я твоя законная жена и таковой останусь — видит Бог! А ты будешь молчать обо всем, что произошло в этой обители. Даже сам проследишь, чтобы никто не приставал с расспросами к Ивете.

Юный граф Джеффри с усталым видом опустил на выступ стены, провел по лицу ладонью.

— Как мы сможем дальше жить вместе, Матильда?

— Как и ранее. И теперь, когда ты убедился, что я не бесплодна, надеюсь, мы еще сумеем зачать целую дюжину сыновей. Можешь даже передать им в наследство твое нелепое прозвище — *Planta Genista*, и пусть они зовутся Плантагенеты в честь веточки дрока, какой ты так любишь украшать свой шлем на турнирах. А теперь, супруг мой, помоги мне уложить Дуоду на кровать. Она все же хорошего нормандского рода, была мне предана и не заслуживает, чтобы мы оставили ее, как собаку, на полу в луже собственной крови. Вдвоем они подняли мертвую женщину, устроили на ложе. Матильда сама закрыла ей глаза, сложила руки на груди, поцеловала в лоб. Джеффри какое-то время смотрел на жену, потом словно очнулся.

— Твоей наглости, Матильда, нет предела! Я поймал тебя с поличным, ты обесчещена в моих глазах, но при этом еще смеешь помыкать мной. Императрица спокойно поглядела на своего мужа, который был младше ее на десять лет.

— Нормандия, — произнесла она, — и корона Англии в придачу. Граф усмехнулся.

— Допустим. И ты права, я должен буду жить с тобой. Но прослежу, чтобы ты более не смела тайно никуда уезжать, ты будешь повиноваться мне и отныне не посмеешь захлопывать передо мною двери своей опочивальни. Такова цена того, что я скрою твой позор! Сочтя это разумным, она согласно кивнула.

— И еще. — Его душил гнев, он нервно сжимал и разжимал кулаки. — Я обо всем поведаю твоему отцу, королю Генриху, дабы он узнал, какова его хваленая дочь-императрица. И поставлю условие, чтобы он разыскал вашего любовника и прислал мне его голову.

Матильда отвернулась и негромко ответила пословицей:

— Лови, кто сможет поймать.

Джеффри, расслышав в ее голосе иронию, шумно задышал, но ответил почти спокойно:

— И запомни, Матильда. Никогда, слышишь, никогда ты ничего не узнаешь о ребенке, которого родили здесь. Ты не станешь его разыскивать, ибо за тобой будут следить мои люди и доносить обо всем. Так что, как бы ни сложилась судьба этого бастарда — будет ли

он в чести, погибнет или попадет в беду, — тебе никогда не знать этого!

Матильда была сильной женщиной. Она взглянула прямо мужу в глаза. — Я готова к этому. К тому же истинное дитя — это то, которое знаешь с рождения и растишь у своих колен.

Джеффри усмехнулся.

— Тогда утешься с тем, какое родишь от меня. Раз уж ты и впрямь не бесплодна.

Матильда молчала, и только печаль в глазах, горькая складка у губ отчасти выдавали ее истинные чувства. Джеффри не смог подавить довольную улыбку: он все же сумел задеть эту гордычку.

— Идемте, миледи. — Граф властным жестом протянул ей руку. — Мы возвращаемся домой, в Анжу. И да смилуются небеса над нашим браком.

¹ Манор — феодальное землевладение с усадьбой.

² Генрих I Боклерк (1068—1135). Третий король из нормандской династии, правивший с 1100 года. Отец Матильды.

1149 год. Восточная Англия

К вечеру сильно похолодало, морозный воздух обжигал, а земля под копытами коней звенела, как железо. В лесу уже сгустились сумерки, но небо над голыми деревьями пламенело пурпуром заката.

Через лес крупной рысью скакали два всадника: старший, в грубом плаще и войлочном капюшоне, и более молодой, богато одетый, придерживающий на скаку щегольскую, опушенную мехом шапочку. — Сэр Хорса, долго ли нам еще? — крикнул на ходу молодой. — Моя лошадь уже совсем выдохлась.

Тот, кого звали Хорсой, не удостоил спутника ответом, даже сильнее пришпорил коня. Однако вскоре деревья расступились и всадники оказались на опушке. В лицо им светило садящееся солнце — неяркое, морозное, окрашивающее небосклон в багряные тона. И на этом фоне пред ними предстала величественная громада замка.

— Гляди, мой принц, — указал рукой в грубой перчатке Хорса. — Вот он — Гронвуд-Касл. И если ты пожелаешь — он станет твоим!

В лучах заката замок производил внушительное впечатление.

Расположенный на невысоком холме с покатыми склонами, он словно реял над окрестными равнинными землями. Выстроенный из светлого известняка, он являл собой тот тип концентрических³ укреплений, какие лишь недавно научились возводить в Европе, переняв это искусство от крестоносцев из Святой земли. С мощными башнями, прочными стенами, зубчатыми парапетами и укрепленным

барбаканом⁴ над подъемным мостом, переброшенным через широкий ров. Но вместе с тем это величественное сооружение служило жилищем множеству людей — об этом свидетельствовали многочисленные огни, уходящие ввысь столбцы голубого дыма, отдаленный гул, а порой ветер доносил аромат свежеиспеченного хлеба. Гронвуд-Касл был крепостью и житницей, дающими кров, заработок и защиту. И словно ища его покровительства, вокруг замка раскинулся целый городок — ремесленные слободки, дома, мельница и обширная площадь, где в положенные сроки происходили ярмарки. — Что скажешь, Эдмунд? — оглянулся к спутнику Хорса.

Юноша машинально сдерживал свою почувствовавшую близкое жильё лошадь и улыбался счастливой, немного глуповатой улыбкой.

Хорса насмешливо хмыкнул, стягивая у горла края войлочного капюшона. Был он мужчиной в летах; выправка и легкость движений говорили о том, что это человек сильный и ловкий, но избороздившие лицо морщины выдавали характер суровый, самоуверенный и решительный. Чисто выбритый подбородок Хорсы надменно выступал вперед, от уголка тонких губ шел небольшой шрам, стягивая их немного вниз и придавая лицу брезгливое выражение. На замок он поглядывал едва ли не враждебно.

— Отвечайте, Этелинг⁵. Я жду.

Юноша наконец повернулся.

— О, благородный Хорса! Что тут можно сказать? Гронвуд достоин быть даже резиденцией королей...

— Потомком коих ты и являешься, Эдмунд, — внушительно заметил Хорса.

С простодушной, доверчивой улыбкой молодой человек обратился к спутнику румяное от мороза, пухлое лицо. Эдмунд был юношей рослым да и меч носил на бедре, как заправский воин, однако проступало в нем и нечто детское — кудрявый русый чубчик, топорщившийся из-под шапочки, ямочки на пухлых щеках, широко раскрытые голубые глаза немного навывкате. На первый взгляд, он казался обычным увальнем, но тем не менее происходил из благородной семьи, был потомком старой англосаксонской династии, правившей в Англии до того, как ее подчинил себе Вильгельм I Нормандский⁶.

— Мы поедem в Гронвуд прямо сейчас? — радостно спросил Эдмунд. Хорса чуть прищурился.

— Вижу, ты загорелся мыслью овладеть Гронвудом. И больше не ноешь, чтобы мы ехали в церковь освящать свечи.

Улыбка застыла на губах молодого человека.

— Видит Бог, я и сейчас считаю, что напрасно мы не посетили службу на Сретение⁷. Но... раз уж мы здесь... Ведь в Гронвуде наверняка имеется часовня, где бы мы могли преклонить колени.

Хорса подавил невольный вздох, его искривленный шрамом уголок рта сильнее опустился в презрительной гримасе. Увы, не о таком соратнике он мечтал. Он прочил Эдмунду ни много ни мало корону Англии или хотя бы власть над ее восточными областями, а тот вырос

святошей, которому бы не меч у пояса носить, а монашеский клобук и четки. Однако что есть, то есть.

— Нет, Эдмунд. Сейчас в Гронвуде слишком много гостей, а нам нужно, чтобы, когда мы явимся сватать баронскую дочь, там не крутилось никого из ее воздыхателей. Но скоро пост, барон Эдгар чтит его, и гости вынуждены будут разъехаться. Вот тогда-то я и явлюсь... Мы то есть.

— Благородный Хорса, — нерешительно начал Эдмунд, который отчасти побаивался своего раздражительного покровителя. — Разве принято приезжать со сватовством во дни поста?

Хорса хотел ответить резко, но закашлялся под порывом морозного ветра, да так, что даже слезы выступили. А отдышавшись, сказал довольно миролюбиво:

— Сначала ты откладывал сватовство из-за Святков, теперь из-за поста! Но пока у нас не было все готово, я соглашался идти у тебя на поводу. Теперь же время настало, мы вошли в силу и не можем упустить свой шанс. Нам нужен Гронвуд и богатство его хозяина! А тебе, мой принц, время жениться. Двадцать четыре года — самый возраст. И леди Милдрэд для тебя как раз то, что надо. В ней, как и в тебе, течет кровь саксонских королей — вы выступите законными претендентами на трон Англии, пока эти наследники Генриха I — Стефан и Матильда — грызутся за корону, как голодные псы за кость. А приданое Милдрэд... Ее отец очень богат. Золота у него столько, что он без труда может нанять целую армию. Ты же будешь доволен невестой. О ней давно идет молва как об одной из первых красавиц Англии.

Юноша вновь заулыбался — смущенно и радостно.

— Матушка тоже говорила, что мне пора жениться.

— Вот-вот. И уж если мы решили остановить выбор на леди Милдрэд, то должны успеть просватать ее первыми. В начале февраля как раз заканчивается срок ее траура по погибшему в Святой земле жениху, она снимет черные одежды, и ты должен первым просить ее руки. Но если замешкаешься... Поверь, желающих получить такую выгодную невесту найдется более чем достаточно. Недаром все эти нормандские щеголи так и выются подле нее.

— Но не откажут ли мне? — робко заметил юноша.

— Барон не посмеет! — Хорса засмеялся сухим лающим смехом.

Пока они разговаривали, солнце почти скрылось, небо заволочло лиловой мглой.

— Вот что, Эдмунд, мы не будем возвращаться в мою усадьбу. И стемнело, и мороз жесток. Давай спустимся в городок и переночуем на постоялом дворе.

— Но ведь вы говорили, что нам не стоит открываться до срока?

— Соображаешь, парень. Да, в свое время я был известной личностью здесь, в Норфолке⁸. Однако много зим миновало с тех пор, как я покинул эти края. Кто теперь тут узнает тана⁹ из усадьбы Фелинг? Даже говор у меня стал не здешний... Ха! Некогда я носил бороду и гриву до лопаток, теперь же выбрит, как норманн, а волосы... Где они?

И он сорвал капюшон, обнажая абсолютно лысую, правильной формы голову.

— Едем!

В городок они въехали, когда совсем стемнело. Там, откуда Эдмунд был родом, уже много лет шла война и появление в ночи двоих вооруженных всадников вызвало бы переполох. Не так было здесь: то ли местные жители чувствовали себя в безопасности под защитой замка, то ли долгая война на западе Англии никак не сказалась на ее восточных графствах, — однако, кроме двоих-троих запоздалых гуляк, появление незнакомцев никого не заинтересовало.

Эдмунд ехал за Хорсой, глаза по сторонам. Здесь строили добротные дома, со светлой штукатуркой и темными полосами выступающих балок, а не просто крытые мазанки, как в западных графствах, где их в любой момент могут разрушить, сжечь, так что придется возводить новые. Да и в целом городок выглядел чистым, приветливым и спокойным. А запахи!.. Отовсюду доносился аромат сладкого теста: хозяйки пекли традиционные для Сретения блины.

У проголодавшегося в пути Эдмунда даже живот свело, а при одной только мысли о вечерней трапезе рот наполнился слюной.

Постоялый двор, на который указал Хорса, оказался крепким, внушительным строением. К гостям тут же заторопился служка, готовый принять лошадей.

— Я прослежу, как их устроят на конюшне, — спешиваясь, сказал Хорса, — а ты, парень, иди распорядись насчет комнаты и ужина.

Эдмунд повиновался, хотя и подумал, что вот опять тан Хорса обустроивается за его счет. Ибо Хорса, этот борец за права и свободы саксов, столько лет воевавший на стороне шотландцев против англо-нормандских баронов, по сути, остался бродягой, а его усадьба здесь, в Норфолке, оказалась одной из самых убогих, какие приходилось видеть Эдмунду. И все же Хорса прочил ему возвышение, власть и почет, обещал просватать одну из первых невест Англии и отдать лучший замок в королевстве. Вспомнив об этом, Эдмунд задержался на пороге и еще раз оглянулся туда, где над крышами домов уходили ввысь мощные башни Гронвуд-Касла. Стать владельцем подобной цитадели... мечта!

Ему пришло на память, как тихо и мирно он жил в усадьбе Мервелл, разводил овец, свиней, занимался пахотой, понемногу торговал оловом из своих рудников. Жизнь была сытая и спокойная, Эдмунд ни в чем не нуждался и ни на что не претендовал. Конечно, его отцом и впрямь был знаменитый Эдгар по прозвищу Этелинг¹⁰, всю жизнь воевавший с английскими королями за свои наследственные права. Однако постепенно отец растерял своих покровителей, и прозябать бы ему изгоем на чужбине, если бы его главный враг, король Англии Генрих Боклерк, не сжалился над ним и не подарил ему манор Мервелл близ города Эксетера. Эдгару Этелингу тогда было уже под семьдесят, что, однако, не помешало ему жениться и произвести на свет сына Эдмунда. И хотя отец вскоре умер и Эдмунд его, по сути, не помнил, он продолжал жить в Мервелле с матушкой, стал поместным рыцарем и почти не вспоминал, что и в его жилах течет королевская кровь. Но вот в его жизнь вихрем ворвался неугомонный Хорса, смутил, увлек, обнадежил. Сказал, что Эдмунду надо отправляться в Восточную Англию, где найдутся сильные таны, способные поддержать его в отстаивании его прав. И еще там есть человек, который сможет своим золотом купить для него войска, — лорд Эдгар Гронвудский, один из могущественнейших вельмож Англии. Он поможет Эдмунду, если тот обручится с его единственной дочерью и наследницей, и Хорса уверял, что у него есть возможность добиться этого брака. Все эти думы вихрем проносились в голове Эдмунда, пока он восхищенно смотрел на высокие башни Гронвуда. О том, что усилия Хорсы грозили втянуть его в жестокую войну, юный тан сейчас не думал. Его мысли не простирались так далеко. А вскоре запахи

стряпни из приоткрытой двери гостиницы и вовсе отвлекли его от мечтаний, заставили подумать о более насущном.

Внутри было тепло и уютно. Немногочисленные посетители сидели за длинными столами, беседовали, ели аппетитные блины и иные кушанья, какими принято набивать живот в преддверии Великого поста. К Эдмунду приблизился хозяин. Он уже понял, что этот парень в дорогом плаще и меховой шапке, несмотря на свой небедный вид, птица не больно высокого полета: настоящий господин перво-наперво поспешил бы предстать пред очи гронвудского барона. Однако деньжата у этого малого должны водиться, и, когда гость выложил щедрый задаток, хозяин взял свечу и проводил его на второй этаж, где размещались комнаты.

Эдмунд огляделся: гостиницу с отдельными покоем в Англии встретишь не часто, обычно постояльцы довольствовались едой в общем зале и охапкой соломы там же в углу. Но здесь, в небольшой узкой комнате, стояли две лежанки под овчинами, а между ними, подле затянутого бычьим пузырем окошка, помещался небольшой стол. Хозяин, хоть и был приветлив, особого почтения не проявлял, однако его поведение изменилось, едва вошел Хорса. Этот, сразу видно, был истинным господином, хоть на нем латаный плащ и обтрепанные перчатки. Зато манеры... Попробуй такому не угодить! И хозяин засуетился, затараторил, что у него есть свежие яйца, блинчики прямо с пылу с жару, а кровяная колбаса тут такая острая и ароматная, что даже господа из Гронвуд-Касла у него прикупают. И это не говоря о темном пенном эле только-только из бочонка.

После долгой дороги по морозу есть хотелось невероятно. Хорса тут же принялся за поданные блюда, однако Эдмунд перво-наперво опустился на колени, чтобы помолиться.

— «...et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittibus nostris»¹¹.

Хорса ел так, что казалось странным, куда все вмещается в этого худого жилистого человека, а сам между тем косился на коленопреклоненного юношу. Вот святоша! А ведь потомок саксонских королей, да и его родная тетка была королевой шотландцев. Хорса долго служил на границе ее сыну, шотландскому королю Давиду, выступал против норманнов, пока не проведал, что где-то возле Эксетера под гнетом нормандских королей живет потомок одного из саксонских принцев... Подобного Хорса не мог допустить. Однако

и расшевелить такого увальня, как Эдмунд, оказалось непросто. Старый бунтарь потратил немало сил, убеждая парня, что он достоин лучшей доли, что в жизни еще все может перемениться, если он возглавит своих соплеменников и поднимет их против ига узурпировавших английскую корону норманнов. Об этом думал Хорса, когда, насытившись, откинулся на стену и, ковыряя ногтем в зубах, наблюдал за поедающим остатки обильного ужина Эдмундом.

— А теперь, мой принц, я бы хотел посвятить вас в кое-какие обстоятельства.

Начал он издавека. Вспомнил прежнего короля Англии Генриха Боклерка: жесток и властен был этот монарх, однако мог держать свои земли в кулаке. При нем и законы почитали, и порядок был, что не мешало Генриху оставаться узурпатором, как все потомки проклятого Завоевателя. А что все в этом роду прокляты — нет ни малейшего сомнения. Ведь наследник Завоевателя, тоже Вильгельм, прозванный Рыжим, правил так, что и ныне люди плевались, поминая его имя. И погиб он как пес, убитый на охоте неизвестно кем. После него к трону прорвался упомянутый Генрих Боклерк, младший из сыновей Завоевателя, причем в обход старшего брата Роберта, с которым воевал, которого сумел пленить, ослепил и до конца дней держал в темнице. Но гнев Небес уже пометил Генриха. У этого короля было немало прижитых на стороне бастардов, но только двое законных детей — сын Вильгельм и дочь Матильда. На Вильгельма Генрих возлагал большие надежды, однако тот трагически погиб — утонул, переправляясь через Ла-Манш. Вот тогда старый Генрих и объявил, что оставит корону и все земли дочери Матильде. Со времен древних кельтов не бывало, чтобы в Англии правила женщина. А Матильда... К тому времени она уже была вдовой германского императора, позже вышла замуж за графа Джеффри Анжу. По сути, для англичан она уже стала иноземкой, и они возроптали, хотя король Генрих ничего не желал слушать. Трижды он заставлял знать присягать на верность императрице Матильде, и трижды его вассалы уступали, опасаясь гнева грозного монарха. И что же? Едва Генрих испустил дух, как трон в обход прав Матильды захватил племянник старого короля Стефан Блуаский. И многих устроило, что во главе державы будет стоять мужчина, к тому же свой, проведший большую часть жизни в Англии.

Однако Стефан проявил себя негодным монархом: не сумел совладать со знатью и, более того, оказался неспособен организовать отпор, когда в Англии высадилась с войском Матильда. Она прибыла силой вернуть свои права, а Стефан не смог воспрепятствовать вторжению, что привело к междоусобице, длящейся уже тринадцать лет.

Эдмунд слушал излияния Хорсы, не переставая жевать, лишь порой как-то странно поглядывал на спутника. Наконец, отхлебнув добрый глоток эля, заметил:

— Я что-то не совсем понимаю, благородный Хорса. Конечно, я редко выезжал из Мервелл-Холла, но не проспал же я все эти годы. И все рассказанное вами известно мне не хуже, чем любому англичанину.

— Молчи! Не перебивай! — рявкнул Хорса, да так грубо, что Эдмунд даже поперхнулся элем и закашлялся.

Склонившись через стол, Хорса услужливо похлопал его по спине.

— Не торопи меня, мой принц. Я начал издавека, однако теперь подхожу к самому главному.

Он уперся локтями в стол; фитиль, плававший в плошке с маслом, осветил фигуру изможденного, усталого человека в поношенной куртке, но в его глазах полыхало такое пламя, что Эдмунд замер, глядя как замороженный.

— Когда Стефан только пришел к власти, он ссылался на то, что король Генрих в последний момент изменил свою волю в его пользу. Он выставил двоих свидетелей, которые якобы присутствовали при кончине Генриха и слышали его слова. Эти двое всю жизнь были заклятыми врагами, а тут просто пели в унисон. Тогда многих это убедило. Эти двое были граф Эдгар и некто Гуго Бигод, рыцарь из свиты короля. Гуго после этого сильно возвысился, добился от Стефана титула графа Норфолкского. А вот прежний граф Норфолка, Эдгар... К его-то дочери ты и должен посвататься.

— Что? — переспросил Эдмунд. — Хозяин Гронвуда правил Норфолком?

— Да, он был графом во времена Генриха Боклерка.

— Но как вышло, что, оказав Стефану такую услугу, он лишился титула?

— А вот как. Стефан опасался могущества Эдгара, и ему не нужен был столь влиятельный граф саксонского происхождения в мятежном Норфолке. Поэтому он лишил Эдгара титула, хотя оставил ему немало

земель, льгот и полномочий. И Эдгар сумел воспользоваться своим положением. Он неизмеримо разбогател, получая прибыль с рынков графства, он обладал правом беспошлинной торговли, построил свой флот. Все его начинания были успешны, и даже сам король вынужден был заискивать перед ним. Говорят, королевская казна до сих пор должна гронвудскому барону. Даже тот самый Гуго Бигод, отнявший у Эдгара графский титул и слыvuщий его недругом, отступал перед ним. Несколько лет назад Бигод хотел примкнуть к восстанию, какое поднял тут разбойный лорд Мандевиль, однако лорд Эдгар сумел собрать такое войско, что потеснил противников. Мятежный Мандевиль пал, а Гуго отступил. Он оценил силу Эдгара, и с тех пор между ними нечто вроде нейтралитета. Ты понимаешь, к чему я клоню? Понимаешь, что сможет сделать для тебя будущий тесть? Однако Эдмунд не ответил, отвлеченный какими-то сторонними звуками, и даже схватил Хорсу за руку.

— Слышите?

С улицы доносился конский топот, крики, визг, подвывание. Для Эдмунда, выросшего в краю, где уже много лет шла война, эти звуки служили сигналом тревоги, и он положил руку на рукоять меча. Однако Хорса остался спокоен.

— Пустое. Барон Эдгар не допустил бы беззаконий в своих владениях. Это просто...

Тут внизу, прямо в гостинице, послышался шум, раздались голоса, потом долетело пение. Эдмунд поднялся с места, осторожно приоткрыл створку двери и прислушался.

— Ха! Да это просто ряженые!

В зале гостиницы действительно толпились ряженые: в самых замысловатых масках, в козьих, бычьих, кабаньих личинах они плясали, водили хороводы между столов, увлекая с собой находившихся внизу постояльцев, пели о Сретении, о блинах, причем требовали у хозяев угощения за свое представление.

В центре образовавшегося хоровода выделялся коленца танцор, накинувший на себя мохнатую бычью шкуру, подскакивал, кружился, подбоченясь. Он более всех вызывал смех и веселье — зрители едва не падали от хохота, ложились на столы. А когда мнимый «бык» вскочил на скамью и, топая ногами, потребовал себе блинов, хохот в зале перешел просто в рев.

У Эдмунда возникло желание присоединиться к веселью внизу, но его удержал Хорса.

— Мы не закончили разговор.

— Но поглядите, сэр, ряженые дарят всем свечи. Это наверняка те, какие ныне освятили в церкви.

— Что с того? Все как всегда. И за свои подношения они требуют блинов.

Эдмунд с улыбкой наблюдал, как хозяйка, вынеся блюдо с требуемым угощением, привстала, чтобы поцеловать ряженого, и тот на миг откинул бычью личину. Удивленный Эдмунд заметил, что под рогатой мордой мелькнуло нежное девичье лицо, но лишь на краткий миг: девушка расцеловалась с хозяйкой и лохматая маска вновь скрыла ее. Но Эдмунд был поражен — до того красивой показалась ему незнакомка: ее тонкое оживленное личико, изящный профиль, светлая волнистая прядь вдоль щеки...

Замерев, Эдмунд смотрел, как веселящиеся ряженые под предводительством незнакомки в бычьей личине покидают гостиницу.

— Вы заметили, сэр? — обратился он к подошедшему Хорсе. — Кто же это?

Но Хорса лишь молча увлек Эдмунда обратно к столу. Тот послушно сел и вроде бы устремил внимание на рассказчика, однако вид у него при этом был несколько отрешенный. А ведь его спутник теперь подошел к самой сути: стал рассказывать о непростом характере Эдгара Гронвудского, а также о его жене, баронессе Гите. Не будь Эдмунд так занят своими мыслями, он непременно бы отметил, как изменился голос собеседника при упоминании имени баронессы. Хорса даже умолк на какое-то время, словно пытаясь успокоиться. Потом продолжил — рассказал, что у четы из Гронвуда было двое детей: дочь Милдрэд, старшая, и сын Свейн, которого они слишком рано похоронили, унесенного какой-то детской хворью. Хорса всегда интересовался обитателями Гронвуда, не пропуская новостей о них. — Теперь все, что они имеют, должно перейти Милдрэд, — проводя кончиком кинжала по столу, продолжал пояснять Хорса. — Но если по нашим саксонским законам женщина имеет право владеть землей, то норманны так не считают. Наследница должна только передать владения вместе со своей рукой — мужчине, который будет править и приумножать полученное. Ценный товар из наших невест сделали

эти псы-норманны, разрази их гром. Но нам-то с тобой сейчас это только на руку. Ибо тот нормандский хлыщ, родственничек епископа Илийского, какого Эдгар и Гита хотели видеть супругом Милдрэд, почил в бозе. Он, надо думать, был не слишком умен, если, уже будучи обрученным, отправился в Святую землю по некогда данному обету да там и сложил свою глупую голову. Это было год назад. По саксонскому обычаю юная Милдрэд весь этот год носила по нему траур. Сейчас ей семнадцать. Траур окончен, и самое время девушке обручиться вновь — с тобой. И повторяю: по нормандскому закону, получив руку Милдрэд, ты однажды станешь хозяином этих земель, этих богатств, владельцем самого Гронвуд-Касла!

Эдмунд согласно кивнул, все еще пребывая в своих грезах.

— Да ты не слушал меня! — возмутился Хорса.

Юный тан вздрогнул, сосредоточился и спросил первое, что пришло на ум:

— Но если лорд Эдгар нам откажет?

— Не посмеет. Я не говорил тебе, что у него прозвище Миротворец?

Так вот, для него самым главным является сохранение мира в этом краю. Поэтому, если Эдгар Миротворец узнает, что в случае его отказа здесь произойдут волнения, что в любой миг может вспыхнуть мятеж, что саксы объединятся и поддержат потомка своих королей... Он ведь сам сакс и не станет воевать против своего племени. Да и чем ты не жених для его дочери? Молод, носишь цепь и шпоры рыцаря, богат. А твоей родовитости может позавидовать сам король Стефан.

— Однако вы говорили, что Эдгар предан Стефану? Разве он захочет отдать дочь человеку, который намеревается воевать с помазанником Божьим?

Хорса даже сплюнул и сердито поглядел на Эдмунда, поглаживая шрам в уголке рта.

— А уж это позволь мне объяснить лорду из Гронвуда. Но повторяю — леди Милдрэд, считай, уже просватана за тебя. Эдгар не решится отказать тому, кто сможет поднять против него его же соплеменников. Эдмунд задумался, вспомнив местных воинственных саксов, с такой готовностью присягнувших ему, потомку саксонского принца, и горделиво вскинул голову. Как же упоительно сознавать, что за тобой стоит такая сила! И если леди Милдрэд к тому же красавица...

Бог весть отчего ему вспомнился пленительный образ незнакомки под бычьей личиной. Конечно, благородная леди, носящая траур по жениху, должна быть совсем иной, и ей не к лицу возглавлять ряженых. Однако Эдмунд в этот миг не мог представить красивую девушку как-то по-другому.

И еще был Гронвуд-Касл.

Юноша не удержался, чтобы не распахнуть окошко и еще раз не взглянуть на великолепные зубчатые стены. Там, похоже, шел пир, слышались отдаленные звуки музыки, веселый смех. Стать хозяином такого замка...

— Не напусти холода, — проворчал Хорса. — Жаровня-то совсем остыла.

Эдмунд послушно запахнул ставень и увлажнившимися глазами взглянул на укладывающегося почивать Хорсу.

— Вы так стараетесь, сэр... Примите же мою сердечную благодарность.

— Позже отблаговаришь меня, — буркнул Хорса. — Когда наденешь на себя корону Англии.

В ответ Эдмунд только покорно вздохнул.

³ Тип крепости с двумя или более рядами оборонительных стен.

⁴ Барбакан — надвратная башня, охраняющая въезд.

⁵ Этелинг — англосаксонское слово, означающее «принц крови».

⁶ Вильгельм I Нормандский, или Завоеватель (1027—1087) — герцог Нормандии; захватил в 1066 году Англию и основал новую династию. Он победил в битве саксонского короля Гарольда, изгнал возможных претендентов на трон, усмирил местное население. Эдмунд, происходивший от одного из изгнанных наследников, имел, по мнению Хорсы, права на корону Англии.

⁷ Сретение — 2 февраля, религиозный праздник в преддверии Великого поста, когда по традиции в церкви происходит освящение свечей.

⁸ Норфолк — одно из графств в Восточной Англии.

⁹ Тан — саксонский землевладелец средней руки.

¹⁰ Эдгар Этелинг (ок. 1051 — ок. 1126) — последний представитель англосаксонской королевской династии.

¹¹ «... и отпусти нам долги наши, как и мы отпускаем должникам нашим» (*лат.*).

Глава 2

В первую неделю Великого поста баронесса Гита Гронвудская решила устроить слугам баню. Все знали, что леди строга с челядью и не выносит, если от них исходит дурной запах, поэтому обитатели Гронвуд-Касла уже свыклись, что порой им приходится мыться — летом раз в неделю-две, а зимой хотя бы раз в месяц. Это воспринималось как прихоть хозяйки, и окрестные жители даже побаивались таких порядков, жалея прислугу из замка, но леди Гита оставалась непреклонна. К тому же настало время поста, когда следует чаще ходить к исповеди, и она не могла допустить, чтобы ее служанки оставались невымытыми, особенно после дней, когда бывали «нечистыми»¹².

По распоряжению хозяйки в кухне, расположенной в стороне от основных построек, в больших очагах развели огонь, нагрели воды и наполнили огромную лохань для купания. Первыми, чтобы подать пример, искупались сама баронесса и ее дочь, юная Милдрэд, потом в ту же лохань стали забираться служанки. Вход на кухню в это время охраняла почтенная матрона, жена сенешаля¹³, тучная и солидная мистрис Клер, а снаружи у двери стояли охранники, не позволявшие проникнуть внутрь столпившимся тут веселым слугам.

— Нечего так напирать, — теснил желающих подсмотреть главный страж замка, Утрэд. — Погодите, скоро ваши красавицы наплескаются вволю, вот тогда придет и ваш черед мыться.

— Да нам бы хоть глазочком глянуть, — нарочито громко выкрикнул один из слуг, в ответ на что из разогретой кухни раздался громкий женский визг.

Стоявшая на страже внутри мистрис Клер даже зажала уши, примяв складки своего накрахмаленного покрывала, и прикрикнула на гомонящих и смеющихся женщин.

— Чего верещите! Ничего, отмоетесь, высохнете, и ваши ухажеры только рады будут вам, чистеньким, как во дни ярмарки.

Эта мистрис Клер, некогда первая кокетка округа, с возрастом стала особенно строга к шалостям молодежи. Она ворчала, что в любой из банных дней всегда одно и то же: гам, визг, сальные шуточки.

Почтенная матрона погрозила пальцем горничной леди Милдрэд,

молоденькой Берте, которая только выбралась из лохани и особенно громко верещала, растирая куском полотна свое крепенькое мокрое тело. «Эта еще та штучка, — хмыкала жена сенешаля, словно забыв проказы собственной молодости. — Ишь как напугалась. А ведь отвлекись я хоть на миг, с этой рыжей станется выскочить полуголой за порог».

Баронесса Гита, не обращая внимания на шум, заплетала свои подсохшие светлые волосы, одновременно отдавая наказы, чтобы из лохани вычерпали часть остывшей грязной воды и добавили горячей. Баронесса говорила не повышая голоса, но все ее слышали и подчинялись. Для своих тридцати пяти лет хозяйка замка выглядела достаточно молодо: ее тело оставалось подтянутым и стройным, лицо не утратило свежести, только в серых глазах ощущалась некая успокоенность, да и некогда яркие губы отчасти поблекли.

— Пусть молодые женщины помогут мыться пожилым служанкам, — приказывала она, неторопливо укладывая косу на затылке.

Ее указание было существенным: большая, обитая медными обручами лохань, способная вместить до четырех человек, была еще и высокой, в нее приходилось забираться по приставной деревянной лесенке и женщины в годах боязливо ворчали, хотя и позволяли поддерживать себя более молодым и крепким.

Внимание баронессы привлек голос ее дочери Милдрэд, которая в одной рубашке подскочила к дежурившей у дверей мистрис Клер и недовольно ее отчитывала:

— Я ведь приказывала — больше никакого траура! Как ты могла, Клер, принести мне этот мрачный темный балахон?

— А ну потише, милая, — приблизилась к дочери баронесса. — Иди-ка сюда.

Она усадила девушку поближе к огню и стала водить щеткой по ее распущенным волосам.

— На мистрис Клер не следует повышать голос при слугах, — склонившись к уху дочери, негромко сказала Гита. — Она жена сенешаля Пенды, ее должны почитать, а ты роняешь ее достоинство, выражая ей неудовольствие на людях. Платье же для тебя Клер выбрала из тех, что потеплее, подбитое мехом, чтобы ты не озябла после купания. Так что не ворчи: она старалась для тебя.

— Старалась, — обиженно надула губки Милдрэд. — Нет, она просто тупая старуха. Я велела ей взять голубое с вышивкой, а она... да и вы, матушка, — покосилась она на леди Гиту. — Вы все словно хотите, чтобы я всю жизнь носила траур по моему бедному Лорану. И вечно прятала лицо под вуалью, будто вдова.

Леди Гита вздохнула. Ну что можно поделаться с этим избалованным ребенком! Ей хочется франтить, хочется быть у всех на виду, забыв, что траур — это обычай, а не повод для пререканий. И баронесса напомнила, что Милдрэд не слишком усердно прятала лицо под траурной вуалью: вряд ли во всем Норфолкшире найдется хотя бы один холостой рыцарь, которому гронвудская красавица не расточала улыбки.

Но Милдрэд отповедь не смутила.

— Матушка, не судите меня строго. Конечно, человек должен не ропща принимать все, что свершается по воле Божьей. И то, что наша свадьба с Лораном не состоялась... Я ведь была послушна вам и покорно приняла обручение с человеком, которого так мало знала. И ведь не я же заставила его ехать в Святую землю, где он погиб... Да пребудет душа его в мире. — И она привычно осенила себя крестным знаменем. Но все же в голосе ее был вызов: — Я за это время даже лицо его позабыла!

Леди Гита не ответила: в чем-то ее дочь права. Поспешное обручение, скорая разлука, долгое отсутствие, а потом гибель жениха — и траур. А ведь в ее девочке столько огня, столько непосредственной живости и очарования! Ибо Милдрэд, даже когда дулась и капризничала, оставалась прелестной. А когда расторопная Берта поднесла юной госпоже посеребренное зеркальце на длинной ручке и Милдрэд взглянула на себя, личико гронвудской красавицы вновь озарила привычная улыбка.

Под ворсистой щеткой в руках баронессы волосы дочери засияли, как светлое золото. Обычно им был присущ более мягкий пепельный оттенок, но при свете огней они казались золотистыми, красиво обрамляя лицо девушки пышными кудрями, рассыпались по плечам и спине сверкающими волнистыми каскадами. Уже из-за одних своих волос Милдрэд могла считаться красавицей. Сейчас, когда она сидела в одной сорочке, было видно, что ее легкий и тонкий стан еще не утратил детскую хрупкость, однако соразмерное сложение, высокая

полная грудь, плавная линия бедер, длинные стройные ноги — все свидетельствовало об уже расцветшей женственности. Эта девушка могла вызывать восхищение уже потому, что у нее такое тело. Личико же юной леди очаровывало всех: постоянно меняющееся, оживленное, исполненное особой беспокойной прелести. Оно имело форму сердечка, с высокими скулами и точеным подбородком, нос был небольшим и изящным, а рот, яркий и припухлый, — как сочный плод. Горделиво изогнутые темные брови придавали Милдрэд несколько высокомерный вид, зато огромные глаза с красивым миндалевидным разрезом сверкали чистой голубизной весеннего неба.

Любуясь своим отражением, девушка заметила в зеркальце строгий взгляд матери и не удержалась от того, чтобы скорчить той игривую гримаску.

В кухне клубился пар от разогретой, вливаемой в лохань воды, слышалось шлепанье босых ног, смешки, стук котлов, шорох одежды. Но неожиданно всеобщее внимание привлек какой-то иной звук: где-то в отдалении явственно прозвучал звук рога.

— Никак кто-то прибыл в замок, — заметила одна из служанок, и все повернулись к баронессе.

Уже который год в Англии было беспокойно, однако люди в Гронвуде привыкли жить под надежной охраной своего господина и ничего не бояться, так что приезд чужих будил не страх, а любопытство. Ведь гости — это всегда что-то новое, вести со стороны. Вот и сейчас женщины заторопились, стали толкаться у огня, чтобы поскорее высушить волосы, и строить всякие догадки. Сходились во мнении, что прибыл кто-то издалека, ведь в округе все знали, что в дни поста в Гронвуде редко принимают гостей.

Леди Гита успокаивающе положила руку на плечико встрепенувшейся было дочери и велела мистрис Клер пойти разузнать новости.

Почтенная матрона, сама обуреваемая любопытством, с готовностью покинула свой пост у двери, тем более что большая часть толпившихся за дверью челядинцев тоже ушла взглянуть на прибывших.

Милдрэд строила догадки:

— Наши гости ведь разъехались к началу поста, да, мама? Может, кто-то вернулся? Наверное, это Гилберт де Гант. Он так надеялся добиться у отца моей руки, обещал прислать сватов в самое ближайшее время. Пока его не опередил Хью де Бомон, — засмеялась она.

— Успокойся, дитя. Эти молодые люди ведают о порядках в Гронвуде и не отважатся нарушить наш покой до окончания поста.

Милдрэд вертелась на месте, матери приходилось ее успокаивать, хотя она и сама порой поглядывала на дверь, ожидая возвращения посланницы. При этом баронесса продолжала отдавать распоряжения: велела добавить дров в очаги, одной из служанок приказала растереть престарелую кухарку, которая совсем сомлела после горячей воды и теперь сидела на лавке в нескромно облежавшей ее тучное тело мокрой рубахе.

Наконец мистрис Клер вернулась, отдуваясь, как после быстрого бега.

— Это саксы, наши норфолкские таны. И знаете, с кем они?

С мятежником Хорсой!

Баронесса замерла, жесткая щетка с громким стуком выпала из ее руки на каменные плиты пола, и этот же звук словно вернул леди Гиту в чувство. Она подозвала толстушку Клер, переговорила с той и, накинув широкую ворсистую шаль, спешно кинулась к выходу. Но на пороге оглянулась:

— Милдрэд, распорядись тут за меня. И ни под каким предлогом не выходи!

Последние слова она сказала как-то нервно, да и в целом баронесса, обычно такая спокойная и достойная, показалась дочери непривычно взволнованной. Однако ей был дан наказ, и юная леди сразу взяла на себя обязанности хозяйки — приказала женщинам одеваться, иным велела начинать уборку и вытирать полы, так как вскоре кухня может потребоваться: саксы всегда были не прочь попировать за счет богатого соплеменника Эдгара. Со стороны казалось, что девушка потеряла интерес к прибывшим, и важная от сознания своей значимости Клер даже испытала разочарование от того, что ее не расспрашивают. Она не замечала взглядов своей юной подопечной, ибо была слишком простодушна, чтобы понять: девочка уже выросла, у нее свои маленькие хитрости и она знает, что наставница сама долго не выдержит, когда есть что сказать.

И юная леди не ошиблась: почтенная матрона вскоре заявила, что к Милдрэд Гронвудской прибыли сваты. И привел их разбойник Хорса. Госпожа ведь знает, кто такой Хорса из Фелинга?

— Хорса? — вскинула темные брови девушка. — Это тот саксонский бунтовщик, который в родстве с моим отцом? А еще, Клер, ты

рассказывала, что этот Хорса некогда безуспешно сватался к матушке. — Давно это было, — поправляя головное покрывало, отозвалась почтенная дама. — Хорса много лет не бывал в наших краях, но раз прибыл — жди неприятностей.

— Неужто этот злодей намерен посватать нашу красавицу? — воскликнула какая-то из более пожилых служанок, которая тоже могла припомнить неукротимого разжигателя смут.

— Что? Этот старик хочет стать моим мужем? — возмутилась Милдрэд, уже прикинувшая в уме, что упомянутый Хорса, по меньшей мере, годится ей в отцы.

— Храни вас Бог, миледи! — всплеснула руками мистрис Клер. — Хорса прибыл как сват и намерен представить вашему батюшке предполагаемого жениха.

— А самого жениха ты видела? Каков он из себя?

Мистрис Клер выдержала паузу, наслаждаясь ощущением собственной значимости.

— Какой? — Она с удовольствием оглядела юную леди. — Да уж, клянусь былой невинностью, вам он не пара. Думаю, из этой затеи ничего не выйдет. А собой он... ну, молодой, ну, нарядный, вежливый такой... Хотя говорят, что он саксонский принц.

— Принц? — восхищенно и заинтригованно переспросила Милдрэд.

— Ну, саксы величали его так, называли Эдмундом Этелингом.

Правда... Ах, не много ли я болтаю? Вот что, деточка, там еще осталось немного горячей воды? Неплохо бы и мне попарить свои старые косточки.

Клер снова сделалась такой же, как и всегда, — властной, упивающейся своим положением жены сенешаля и наставницы юной леди Гронвуда. И с довольным видом улыбнулась, когда Милдрэд распорядилась приготовить ей ванну. Одного Клер не заметила — как девушка торопливо облачилась в темное платье, еще недавно с таким негодованием отвергнутое, как отдала преданной Берте какие-то наставления и, накинув широкий плащ, поспешила к двери.

Однако за порогом кухни наткнулась на Утреда: уж если ему было велено не выпускать Милдрэд из кухни, у девушки не оставалось никакой надежды проскочить. Этот пожилой поджарый воин с вечным налетом щетины на щеках и хитро прищуренными глазами — отнюдь

не простодушная Клер, им управлять не так легко. Но неожиданно Утред подмигнул ей.

— Клянусь святым Дунстаном... мне и самому интересно.

Они обменялись заговорщическими взглядами, и Милдрэд даже чмокнула старого солдата в щеку, а он знаком предложил ей следовать за ним к одному из мощных контрфорсов донжона¹⁴. Оглядевшись, Утред быстро открыл узкую, почти незаметную дверцу в основании контрфорса. Это был тайный ход, о котором мало кто знал, и отсюда вверх вводила узкая винтовая лестница, выбитая в толще стены. Лестница, на первый взгляд, заканчивалась тупиком, однако Утред повернул небольшой рычаг, отодвигающий часть стены, — и они оказались перед занавешенным проходом в читальню, где барон Эдгар вел приватные беседы.

Девушка и солдат прислушались. Из-за узловатой ткани изнанки гобелена долетал незнакомый Милдрэд голос, при звуках которого Утред сразу нахмурился. Говорили на саксонском:

— Вы не даете нам согласия, Эдгар, ссылаясь на вашу присягу Стефану Блуаскому. Но не лукавите ли вы, особенно сейчас, когда тот, кто именуется королем Англии, находится на грани интердикта¹⁵? Сейчас многие могут отречься от него из-за неладов Стефана с Папой¹⁶. И если вас и такое не поколебало, то вы просто предаете нас. Нас — саксов! Свое племя, в то время как мы взываем к вам и просим поддержки.

Говоривший выступал в роли просителя, однако голос его звучал властно и непреклонно. Милдрэд опешила: никто еще так не разговаривал с могущественным гронвудским бароном. Девушка хотела что-то сказать, но Утред приложил палец к губам, а сам немного отодвинул край гобелена, так что они могли видеть происходящее.

В довольно просторном помещении читальни было светло: горело много свечей да и окно, со вставленными в раму мелкими пластинками слюды, давало достаточно света. У противоположной стены Милдрэд увидела своих родителей: леди Гита казалась взволнованной, а вот барон Эдгар, облокотившийся на покрывавший стену ковер, выглядел спокойным и невозмутимым. Это был еще красивый широкоплечий мужчина, довольно плотного сложения, в опушенной по зимней поре

одежде, его каштановые, слегка вьющиеся волосы придерживал золотой обруч — баронский венец, который Эдгар носил в особых случаях. Милдрэд почувствовала обиду, что отец надел его ради этих людей, которые разговаривают с ним в столь непочтительном тоне. Она узнала многих из пришедших и была поражена тем, что вечно в чем-то нуждающиеся и постоянно взывающие к милости ее родителя таны сейчас стоят перед ним будто обличители на суде. Причем все сгрудились вокруг какого-то чужака в довольно потрепанном плаще и с абсолютно лысой головой, который держался так, словно имел право повелевать. И именно к этому наглецу обратился Эдгар Гронвудский в своей неизменной, снисходительно-спокойной манере: — Хорса, а какое тебе, собственно, до всего этого дело? Ты явился невесть откуда и опять настраиваешь против меня моих соплеменников, с которыми я долгие годы жил в мире. Ты подбиваешь их принять твои условия, настаиваешь, чтобы они восстали против меня. Вижу, ты не поумнел с годами и по-прежнему вынашиваешь замыслы, не ведущие ни к чему, кроме смут и беспорядков. Как говорится, *hominis est errare, inspientis perseverare*¹⁷.

Последние слова барон произнес на латыни, однако ни Хорса, ни прибывшие с ним таны ее не знали. Лишь один полный молодой человек среди них, похоже, понял сказанное и, повернувшись к Хорсе, попытался взять его за руку, словно хотел увести. Но тот резко высвободился.

— С попами будешь чихать своей латынью, Эдгар. Меня же ты поймешь и так.

И опять юноша пытался увлечь Хорсу прочь, но тот резко оттолкнул его.

— погоди, Этелинг. Мы еще не окончили разговор с этим... сиятельным бароном!

Этелинг? Так вот каков предполагаемый жених! Милдрэд отметила: юноша был одет модно и со вкусом, что выделяло его среди прочих танов в их меховых накидках и грубых башмаках с оплетавшими голени ремнями. На Этелинге был длинный, ниспадающий ниже колен камзол, богатый пояс с чеканными бляшками, меховая опушка на воротнике и бархатной шапочке. Но девушка отметила и другое: молодой человек был излишне тучен и ноги в сапогах прекрасной выделки ставил как-то косолапо. Черты полного лица невыразительны,

надо лбом торчит кудрявый чубчик... Нет, он ей не понравился! Ухаживавший за ней Хью де Бомон был куда приятнее наружностью, да и Гилберт де Гант намного красивее.

Но тут споры возобновились, саксы стали упрекать Эдгара в том, что он все больше отдаляется от них в угоду своим друзьям-норманнам и если некогда они съезжались к нему праздновать йоль¹⁸, то ныне барон стал пренебрегать старыми добрыми обычаями.

— Это бесконечный спор. — Эдгар махнул рукой. — Просто вы попали под влияние этого бунтовщика Хорсы и его несбыточных планов.

— Отчего же несбыточных? — выступил вперед толстый тан Бранд. — Эта долгая война за корону вконец истощила Англию. Пора бы и нам вмешаться, пора показать, что мы не позволим чужакам терзать нашу землю. И если ты, Эдгар, отдашь свою девочку за благородного Этелинга, то у нас появится чета потомков прежних владык, ради которых многие саксы возьмутся за оружие. Так что Хорса дело предлагает. Мы соберем войска и ударим тогда, когда норманны меньше всего будут этого ожидать.

Барон и баронесса переглянулись. Потом Эдгар сказал, что они с супругой выслушали гостей, но не видят никакой для себя чести в том, чтобы потворствовать мятежникам. Англия, о которой те якобы пекутся, ныне и так терзаема войной, многие графства разорены, погибло немало людей. Неужели саксы хотят своими руками увеличивать размеры бедствий?

Милдрэд тихонько подергала Утреда за рукав.

— Что тут происходит? Мистрис Клер сказала, что ко мне сваты приехали, а эти...

— Тихо, девочка. Наш лорд сможет дать им отпор.

Но пока ее отцу приходилось туго. Видя, как распалены саксы, Милдрэд возмутилась. Они все зависели от ее отца, но вдруг явился какой-то лысый Хорса и саксы возомнили, будто гронвудский барон обязан выполнять их волю уже потому, что является их соплеменником. Сам же Хорса почти кричал, наседая на Эдгара. Он уверял, что у него сторонники по всей Англии, что многие пойдут за ним и восстанут, если будет за кого бороться. И когда у восставших появятся средства... если Эдгар обручит единственную дочь с Эдмундом Этелингом... Ведь известно, что у невесты немалое

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ